

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА НА IV МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ

Вопросы древнейших языковых балто-славянских отношений¹ занимают индоевропейцев и славистов в течение многих десятилетий. В связи с оживлением исследовательской работы в последние годы полемика по этим вопросам разгорелась с новой силой²; им уделено большое внимание и прошедший IV Международный съезд славистов³. Различные мнения могут быть, с некоторыми упрощениями, сведены к следующим трем точкам зрения:

1. Славянские и балтийские языки не вынесли из индоевропейской общности тенденций единого развития. Общее у них качественно не отличается от общего каких-либо двух других территориально близких индоевропейских диалектов (например, праславянского и прагерманского, прагерманского и кельтского и т. п.). Этот резко отрицательный взгляд на существование балто-славянского единства, высказанный в свое время А. Мейе и развиваемый теперь А. Зенном, на съезде защищал, пожалуй, один В. Мажюлис⁴. К отрицанию промежуточных диалектных единств в духе неолитистической школы склонялся и покойный проф. В. К. Мэтьюс⁵.

¹ Оставляем в стороне проблемы связей этнических, требующих неязыкового подхода. Они затрагивались на съезде лишь в незначительной степени.

² Ход полемики сжато изложен О. Семереньи (O. Szemerényi, The problem of Balto-Slav. unity. A critical survey, «Kratylos», Jg. II, Hf. 2, 1957).

³ Упомянутой проблеме было целиком посвящено заседание подсекции «Происхождение славянских языков и народов» (3 IX 1958 г.).

⁴ См. В. Мажюлис, Заметки к вопросу о древнейших отношениях балтийских и славянских языков, «IV Международный съезд славистов. Доклады», Вильнюс, 1958, стр. 20. В устном выступлении докладчик сформулировал свою позицию отчетливее, чем в печатном тексте доклада. Резко возражал В. Мажюлису акад. В. Георгиев.

⁵ См. В. К. Мэтьюс, О взаимоотношении славянских и балтийских языков, «Славянская филология. Сб. статей» (IV Международный съезд славистов), I, М., 1958, стр. 41.

2. Славянские и балтийские языки, не происходя от одного индоевропейского диалекта, позднее сблизилась друг с другом. Время, причины и характер этого вторичного сближения определяются по-разному различными исследователями. Для акад. Т. Лера-Сплавинского балто-славянский период длился с конца до середины II тысячелетия до н. э., а толчок к общему развитию дал общий субстрат (праугро-финский; археологически — носитель гребенчатой керамики)⁶. Ту же концепцию представляет в польской археологии В. Генсель, в антропологии — Я. Чекановский⁷. С. Б. Бернштейн относит балто-славянский контакт к более позднему периоду (1500—500 гг. до н. э.), причем возникновение общих взоглоссов он объясняет явлениями «языкового союза»⁸. Б. В. Горнунг считает, что балто-славянская общность представляет продукт сближения языков не отделившихся на запад или юг индоевропейских племен и что она просуществовала до конца II тысячелетия до н. э.⁹. К. Мошинский полагает начало нашей эры временем балто-славянского контакта¹⁰.

⁶ T. L e h r - S p l a w i ŋ s k i, Podstawy indoeuropejskie wspólnoty językowej balto-słowiańskiej, «Z polskich studiów slawistycznych», Warszawa, 1958. В докладе изложены результаты многолетних работ автора, сжато обзореками которых дал В. Фалькенхан (ZfS, Bd. 1, Hf. 2, 1956).

⁷ На основе докладов упомянутых трех авторов Т. Лер-Сплавинский сделал обзорный доклад 1 IX 1958 г.

⁸ С. Б. Бернштейн, Балто-славянская языковая общность, «Славянская филология», I.

⁹ Б. В. Горнунг, К дискуссии о балто-славянском языке и этническом единстве, ВЯ, 1958, № 4.

¹⁰ См. К. Moszyński, Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego, Wrocław, 1957, стр. 208. С некоторыми оговорками тезис о вторичном сближении защищает и П. Трост (P. Trost, K otázce baltoslovanských jazykových vztahů, сб. «Československé přednášky pro IV. Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě», Praha, 1958).

3. Славянские и балтийские диалекты со времени индоевропейского диалектного членения входят в единую диалектную область, разрыв которой связан с выделением из нее праславянских диалектов. Эта точка зрения, широко распространявшаяся в последнее время¹, была представлена на съезде докладчиками В. Георгиевым, Я. Отрембским, Вяч. В. Ивановым и В. Н. Топоровым, П. Н. Третьяковым² и многими из выступавших в прениях³.

Основная полемика, по справедливому замечанию С. Б. Бернштейна⁴, ведется в настоящее время между сторонниками второй и третьей точек зрения. Каковы же restantes аргументы полемизирующих сторон?

Сторонники «единства» приводят изоглоссы — фонетические (например, возникновение сочетаний балт. *ir, ur*, слав. *ьr, ъr*, становление пигтонационной системы и т. п.), морфологические (например, родпадеж ед. числа *-ъ* основ *-ā [d]*). лексические (например, балт. **galvā, rankā*, слав. **golŭa, ronkā*) и синтаксические (например, распространение творительного предикативного⁵), охватывающие обе рассматриваемые области. Сторонники «схождения», не отрицая большинства этих изоглосс (указывая, впрочем, на различный объем некоторых из них: а) шире балто-славянского и б) уже балто-славянского), обращают внимание на случаи не менее древнего различия⁶ (развитие и.-е. **s*, и.-е. **ō*,

морфология глагола, глубокая дифференциация лексики и т. п.). Количественным сопоставлением тех и других черт вопрос, очевидно, решен быть не может, как бы велико ни было число черт единства или различия. Относительную же «ценность» отдельных изоглосс сейчас определить не представляется возможным ввиду неразработанности проблем относительной хронологии раннего развития индоевропейских диалектов.

Все это заставляет спорящие стороны все чаще прибегать к внелингвистическому аргументу⁷. Наиболее широко привлекаются лингвистами достижения археологии (ср. доклады В. Генселя, П. Н. Третьякова, сообщение Б. А. Рыбакова) и антропологии (доклад Я. Чекановского). Однако хотя обе эти науки в своих областях добились значительных успехов (установление распространения и хронологизация материальных культур, геогр. антропологических типов), вопросы о принципах сопоставления их данных с данными лингвистическими и о степени вероятности таких сопоставлений являются совершенно неразработанными⁸. Ввиду этого скептицизм в отношении подобных доказательств неоднократно проявлялся на съезде.

Недостаточная доказательность упомянутых двух аргументов, их «непродуктивность», проявившаяся в последние десятилетия (в особенности при полемике вокруг одних и тех же фактов), вызвали к жизни попытки применения новых лингвистических методов в решении балто-славянской проблемы. Из таких попыток большое внимание на съезде привлек доклад Вяч. В. Иванова и В. Н. Топорова, в котором путем внутренней реконструкции явлений славянской языковой области и балтийской языковой области факты языка приводятся к одному хронологическому уровню. По мнению авторов, на этом хронологическом уровне, более позднем, чем уровень индоевропейский, обе реконструируемые системы совпадают в своих существенных чертах. Отмечая большую перспективность такого подхода, выступавшие в прениях на съезде (Т. Лер-Славинский и другие) подчеркивали, однако, что и этот метод не дает гарантий против субъективных решений (от них в конечном счете зависит выбор реконструируемых черт системы). Следует добавить также, что идущая сейчас перестройка традиционной индоевропейстики не позволяет с достаточной четкостью определить, какие из реконструируемых балто-славянских черт отличались от индоевропейского состояния.

¹ Кроме обзора О. Семереньи, ср. еще: М. Leumann, *Baltisch und Slavisch*, «Corolla linguistica», Wiesbaden, 1955.

² См.: В. Георгиев, Балто-славянский, германский и индо-иранский, «Славянская филология», I; J. Otrębski, *Rozwój wzajemnych stosunków między grupą językową bałtycką a słowiańską*, «Z polskich studiów slawistycznych»; Вяч. В. Иванов и В. Н. Топоров, К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков, «IV Международный съезд славистов. Доклады», М., 1958; П. Н. Третьяков, Итоги археологического изучения восточнославянских племен, там же.

³ Ср. также положительные ответы на вопрос о существовании балто-славянского единства Л. А. Булаховского, К. Яначка, В. Кириарского, И. Лекова, Э. Дикенмана в кн.: «Сборник ответов на вопросы по языкознанию», М., 1959. Того же мнения придерживается и П. С. Кузнецов (см. его «Развитие индоевропейского склонения в ошеславянском языке», «IV Международный съезд славистов. Доклады», М., 1958).

⁴ С. Б. Бернштейн, указ. соч., стр. 45.

⁵ Ср. подробнее: P. Trost, *O balto-slovanských vztazích v oblasti syntaxe*, «K historickosrovnávacímu studiu slovanských jazyků», Olomouc — Praha, 1957; см. также «Сборник ответов на вопросы по языкознанию», стр. 66.

⁶ Сделанная недавно Я. Отрембским попытка объяснить ряд таких различий поздним расхождением (ср. ВЯ, 1954,

№ 5, стр. 27—42; № 6, стр. 28—46) не получила на съезде сколько-нибудь значительной поддержки.

⁷ Что можно объяснить вслед за Р. Якобсоном (в его выступлении на съезде 2 IX 1958) тенденцией к синтезу, начинающей — после длительного периода «специализации» — вновь проявляться в языкознании.

⁸ См. К. Мосзуйські, указ. соч., стр. 9 и далее.

Дискуссия на съезде показала, что решение балто-славянской проблемы следует искать в комплексном применении разнообразных лингвистических методов. Прежде всего, с наибольшей степенью точности должны быть определены внешние связи балто-славянской группы (общие заимствования из нее и в нее, если таковые имеются) и — в отдельности — связи славянских и балтийских диалектов¹. Сравнительный анализ двух этих слоев заимствований может дать чрезвычайно много для локализации и хронологизации единства или позволит отвергнуть его существование в период, для которого какие-либо слова определяемы как заимствования.

Не менее важный материал должны дать исследования и этимологизация этнонимов² и топонимии (о чем подробно говорили на съезде М. Фасмер, проживший в свое время начало такому исследованию, и В. Сидоров). По-видимому, никогда не удастся доказать, что в ся гидронимика, например, Повисленья (Т. Лер-Сплавинский) или среднего Приднепровья (К. Мошинский) является чисто славянской (или гидронимика Подвижья — чисто балтийской), поскольку речные названия отражают наслоения самых различных эпох, вплоть до эпох доиндоевропейских. Более плодотворным кажется установление древнейших топонимических типов (рано утративших продуктивность) и установление их ареалов³.

Продолжение ряда внутренних изоглосс славянской и балтийской областей (в осо-

бенности лексических) на смежные балтийские и славянские территории⁴ позволит, вероятно, наметить области, бывшие первоначально переходными между славянскими и балтийскими. Вопрос о наличии таких диалектов оживленно дебатировался на съезде. Я. С. Отрембский, развивая свои мысли о переходном характере древне-прусского языка (правда, для более позднего периода), выдвинул идею о возможности наличия большего числа переходных черт в ятвяжских диалектах⁵.

Не менее важен лингвистический анализ локализуемых в пространстве терминов ландшафта (биологических и географических), причем анализ по возможности наиболее широкий, опирающийся на данные палеоботаники, палеозоологии и палеогеографии восточноевропейских областей⁶.

Разработка этих «внешнелингвистических» проблем плюс углубленное изучение явлений структурного порядка даст возможность прийти к некоторым географическим и хронологическим выводам о совместном или раздельном существовании славянских и балтийских диалектов. При этом относительные границы большей или меньшей степени конкретности (например, размещение балтов и славян относительно германцев и угро-финнов, относительно границы тиса и т. п.), пересекаясь друг с другом, дадут данные, достаточно точные для того, чтобы их можно было сопоставить с достижениями других наук, не доверяясь слепо этим достижениям.

В. М. Иллич-Свитыч

ВОПРОСЫ ФОНОЛОГИИ И ФОНЕТИКИ НА IV МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ

На подсекции фонологии и фонетики IV Международного съезда славистов было заслушано и обсуждено 14 докладов, группировавшихся вокруг следующей проблематики: 1) историческая фонология, 2) построение фонологической типологии славянских языков, 3) анализ сосуществующих фонологических систем в славянских языках, 4) славянская акцентология и некоторые более частные проблемы. Если сравнить этот круг вопросов с соответствующими проблемами, обсуждавшимися на

I съезде славистов (Прага, 1929 г.), то обращает на себя внимание факт расширения фонологической проблематики, а также тот факт, что фонологический анализ стал применяться не только в области синхронии, но и в области диахронии.

Проблемам исторической фонологии славянских языков были посвящены доклады Ф. Мареша (Чехословакия) «Фонологическая система праславянского языка и ее развитие в отдельных славянских языках», его соотечественника А. Лампрехта «К развитию западнославян-

¹ Интересные соображения В. Кипарского см. в «Сборнике ответов по славянскому языкознанию», стр. 171.

² Они дают зачастую неожиданные, но ценные показания. Ср., например, венг. *lát* «славянин вообще», рум. местные названия *Tautęști* (укр. [Закарпатье] *тоот* «купец» из румынского) < **touta*, что соответствует не дакийской, фракийской и германской (**teut-*), но балтийской форме.

³ Так, в свете известной гипотезы А. Мартине о *k*, *g* как рефлексах индоевропейских сочетаний с ларингальными гидроним *šlučь* (две реки в бассейне Припяти) является древнейшим образованием от корня, представленного этнонимом *Slověne*. Подготавливаемое в Берлине (по сообщению М. Фасмера) собрание русской топонимии даст бесценный материал для подобной работы.

⁴ Наличие таких изоглосс опровергает взгляд о полной недифференцированности праславянской языковой области или невозможности обнаружить эту дифференцированность [ср., например, «Сборник ответов на вопросы по языкознанию», стр. 267 (ответ С. Утешенного)].

⁵ Ятвяжскую речь, по мнению Я. Отрембского, отражает, например, литов. гидроним *Bilsas* (параллельно слав. **bělъ*, русск. *белесый*).

⁶ Прогресс в этом отношении представляет указанная книга К. Мошинского (стр. 24—66). Хорошим образцом подготовительной работы к трудам такого рода является книга: J. Schütz, Die Geographische Terminologie des Serbokroatischen, Berlin, 1957.